

ДЗА ПАТРУЛ РИНПОЧЕ

Гоните их прочь!

Предисловие переводчика-компилятора

*"Когда я еще не начал изучать чань, горы были горами, а реки – реками;
Когда я начал изучать чань, горы перестали быть горами, а реки – реками;
Когда я постиг чань, горы снова стали горами, а реки – реками".*

Цин-юань

Приведённая ниже поэма великого мастера тибетского буддизма XIX века Патрула Ринпоче отражает сущность так называемой "Колесницы Плода" (тиб. 'bras bu'i theg pa), в которой во главу угла ставится не развитие каких-то необыкновенных способностей, а, напротив, нахождение в своём собственном теперешнем состоянии присутствия изначального естества, которое часто описывается в терминах "неискусственное" (тиб. ma bcos pa), "обыденное сознание" (тиб. tha mal gyi shes pa). Именно поэтому прогресс на этом пути подобен разочарованию, разочарованию в попытках найти просветление в чём-то необычном, натужном, где-то вне своей собственной природы просто как она есть здесь и сейчас. Но именно через такое разочарование, как показывает Патрул Ринпоче, и лежит путь к постижению собственного естественного состояния.

Данный перевод является компиляцией сделанной на основе двух доступных переводов этой поэмы:

английского: <http://groups.yahoo.com/group/patrul/message/157>

русского (через немецкий и польский): http://tersar.narod.ru/teachings/Patrul/2let_1.html

К сожалению, из-за недоступности тибетского оригинала и сильных расхождений в имеющихся вариантах, иногда перевод приходилось строить просто из соображений логичности и последовательности повествования.

По этой же причине может оказаться, что многие пассажи были переведены с точностью до наоборот, что, впрочем, было бы вполне в духе Патрула Ринпоче ☺. Возможно весь этот текст есть лишь словарь дзогченских терминов, а не декадентская поэма в тибетском стиле ☺.

Владислав Ермолин
апрель-май 2007

Гоните их прочь!

Склоняюсь к стопам моего Ламы

Когда я, старый пёс, жил в одиночестве, то мне захотелось говорить теми же словами, которые я слышал от моего достопочтимого Учителя¹:

Вначале, когда я встретил своего совершенного учителя,
Мне казалось, что я купец, который добрался до Золотого Острова,
И я с усердием посвящал себя изучению различных предметов.

Позже, когда я встречал своего учителя, я чувствовал себя неуютно,
Как преступник пред ликом судьи,
И я получал от него крепкие нагоняи.

Сейчас, встречая своего совершенного учителя, я чувствую себя с ним на равных,
Как голуби спящие в храме,
И я не лезу к нему слишком близко.

Вначале, когда я слышал наставления, мне казалось, что сразу же буду их
применять,
Как голодный человек набрасывается на пищу,
И я пытался их практиковать.

Позже, когда я слушал наставления, я не мог понять о чём речь,
Как будто слова эти были о чём-то мне чуждом,
И я не мог выпутаться из общепринятых представлений.

Сейчас, когда я слышу наставления, я чувствую отвращение,
Как тот, кого заставляют есть собственную рвоту,
И мне не хочется больше задавать вопросов.

---

¹ Поэма ссылается на то, каким образом сам Патрул Ринпоче был ознакомлен с природой ума эксцентричным мастером по имени До Кхьенце. Вот как это описано в книге Согьяла Ринпоче "Книга жизни и практики умирания":

Патрул Ринпоче занимался очень продвинутой практикой йоги и зримого представления и застрял: ни одна из мандал божеств не появлялась в его уме ясно. Однажды он встретил До Кхьенце, который развел под открытым небом костер и сидел перед ним, попивая чай. В Тибете, когда видишь мастера, к которому чувствуешь глубокую преданность, принято в знак своего уважения тут же начинать простирается на земле. Когда Патрул Ринпоче начал, с некоторого расстояния, простирается на земле, До Кхьенце заметил его и угрожающе прорычал: «Эй, ты, старый пёс! Если ты храбрый, то иди сюда!» До Кхьенце был очень впечатляющим мастером. Он был похож на самурая, с длинными волосами, щегольски одетый и страстный любитель ездить верхом на красивых лошадях. В то время, как Патрул Ринпоче стал приближаться, продолжая простирается на земле, До Кхьенце, все время осыпая его ругательствами, принялся кидать в него камешки, а потом и более крупные камни. Когда он оказался в пределах досягаемости, До Кхьенце начал его бить и ударил так, что он лишился сознания. Когда Патрул Ринпоче пришел в себя, он находился в совершенно ином состоянии сознания. Те мандалы, которые он так старался зримо вообразить, самопроизвольно явились перед ним. Каждое из проклятий и оскорблений До Кхьенце уничтожило последние остатки понятийного ума Патрула Ринпоче, и каждый из камней, что ударял его, открывал энергетические центры и тонкие каналы его тела. Видения мандал не оставляли его в течение двух чудесных недель.

В начале, когда я жил в уединении, мне казалось, что мой ум находится в покое,
Как путник, который наконец вернулся домой,
И я наслаждался пребыванием там.

Позже, будучи в уединении, я чувствовал, что не могу там усидеть,
Как красавица тяготящаяся своим одиночеством,
И я часто покидал его и снова возвращался.

Сейчас, находясь в уединении, я думаю, что это не такое плохое место, чтобы умереть,
Как старый пёс, который забрался для этого под навес,
И я готовлю своё тело к тому, что его придётся выбросить.

В начале, когда я размышлял о Взгляде, мне казалось, что чем выше он будет, тем лучше,
Как хищная птица, которая подыскивает себе гнездо,
И я раздавал всем советы.

Позже, когда я размышлял о Взгляде, я чувствовал себя в растерянности,
Как тот, кто стоит на перепутье,
И я старался не открывать рта.

Сейчас, когда я думаю о Взгляде, я чувствую, что дурачу других,
Как старик рассказывающий детям небылицы,
И я сам не очень то верю в то что говорю.

В начале, когда я думал о Медитации, мне казалось, что чувства радости и блаженства переполняют меня,
Как при встрече мужчины и женщины с одинаковыми темпераментами,
И я пытался добраться до самой её сути.

Позже, когда я думал о Медитации, я чувствовал себя обессиленным и уставшим,
Как слабый человек, который тащит непосильную ношу,
И мои медитации становились всё короче.

Сейчас, когда я думаю о Медитации, мне кажется, что я не способен оставаться в ней ни на миг,
Как иголка которую пытаются воткнуть в камень,
И у меня нет больше никакого желания медитировать.

В начале, когда я думал о Поведении², мне казалось, что я стянут путами,
Как дикий конь, на которого накинули сбрую,
И я притворялся смирным.

---

² Под "Поведением" здесь подразумевается последняя часть триады Взгляд-Медитация-Поведение (иногда, как здесь, добавлена ещё и Цель (Плод)). В буддизме это понятие означает комплекс ограничений (обетов), принимаемый практикующим, чтобы оставаться способным практиковать данную Медитацию на данный Взгляд.

Позже, когда я думал о Поведении, я чувствовал что волен делать то, что захочется,
Как пёс сорвавшийся с цепи,
И я освобождался от пут.

Сейчас, когда я думаю о Поведении, оно мне кажется не имеющим никакого
значения,
Как для шлюхи которой уже всё равно,
И для меня больше не осталось ни счастья ни страдания.

В начале, когда я думал о Цели, мне казалось очень важным её достичь,
Как пройдохе важно расхвалить свой товар,
И я очень сильно хотел её и надеялся.

Позже, когда я думал о Цели, мне казалось, что она где-то далеко,
Как будто на другом берегу океана,
И у меня оставалось всё меньше решимости.

Сейчас, когда я думаю о цели, то она кажется мне недостижимой,
Как вору когда ночь уже на исходе,
И я лишился последних надежд.

В начале, когда я давал учения, я казался себе умным и важным,
Как красавица прогуливающаяся по рынку,
И мне хотелось учить.

Позже, когда я давал учения, мне казалось, что я хорошо знаком с предметом,
Как старик, снова и снова рассказывающий избитые истории,
И я был словоохотлив.

Сейчас когда я даю учения, я чувствую, что выхожу за границы дозволенного,
Как демон побуждаемый заклинаниями,
И мне очень стыдно.

В начале, когда я участвовал в диспуте, мне казалось, что я улучшаю свою
репутацию,
Как тот, кто хочет изобличить зло через суд,
И я давал волю праведному гневу.

Позже когда я участвовал в диспуте, мне казалось, что занимаюсь поисками истины,
Как беспристрастный судья, ищущий подлинное свидетельство,
И я напрягал все свои способности.

Сейчас, когда я участвую в диспуте, мне кажется, что можно доказать истинность
всего что угодно,
Как для вруна, путешествующего по легковерным деревням,
И я соглашаюсь со всем, что бы мне ни сказали.

В начале, когда я писал, мне казалось, что слова появляются сами собой,
Как у махасиддха пишущего дохи,
И это было для меня естественным.

Позже, когда я писал, у меня было чувство, что это я складываю вместе слова,
Как искусный стихоплёт пишет свою поэму,
И я старался подбирать красивые выражения.

Сейчас, когда я пишу, я чувствую тщетность этого,
Как человек, которому надо нарисовать карту места которого он не знает,
И я не извожу зря чернила и бумагу.

В начале, когда я встречал друзей, мне хотелось помериться с ними силами,
Как будто мы были лучниками, собравшимися на состязание,
И я любил их и ненавидел.

Позже, когда я встречался с друзьями, мне казалось, что мне подходят все,
Как шлюхе, которая попала на ярмарку,
И я дружил со многими.

Сейчас, когда я встречаю друзей, мне кажется, что не вписываюсь в людские собрания,
Как прокажённый, который осмелился пробраться в толпу,
И я предпочитаю быть в одиночестве.

В начале, когда я видел богатство, я чувствовал сиюминутную радость,
Как ребёнок собирающий цветы,
И я не занимался его накоплением.

Позже, когда я видел богатство, мне казалось, что его всё-равно никогда не будет хватать,
Как воды, наливаемой в кувшин с разбитым дном,
И я особо не старался его обрести.

Сейчас, когда я вижу богатство, мне кажется, что это тяжкая ноша,
Как куча детей для старого нищего,
И я предпочитаю не иметь ничего.

В начале, когда я приглашал помощников, мне казалось, что надо обеспечить их работой,
Как рабочих собравшихся специально для этого,
И я раздавал им задания.

Позже, когда я приглашал помощников, я чувствовал, что теряю свою независимость,
Как молодой монах, прислуживающий старшим,
И я разрывал такие связи.

Сейчас, если я приглашаю помощников, мне кажется, что теряю всё, что имел,
Как если бы впустил себе в дом вороватых собак,
И я предпочитаю делать всё сам.

В начале, когда ко мне приходили ученики, меня переполняло чувство собственной
значимости,
Как слугу, который уселся на место хозяина,
И я старался на совесть.

Позже, когда ко мне приходили ученики, мне казалось, что мой ум и понимание могут
принести им пользу,
Как гость по праву занимающий почётное место,
И я старался им помочь.

Сейчас, когда ко мне приходят ученики, я делаю вид, что сержусь на них,
Как демон живущий в пустынной местности,
И я гоню их прочь камнями.